

ГЕОГРАФИЯ

*Виктор Авенирович ОСИПОВ —
Тюменский государственный
университет,
эколого-географический факультет,
кафедра социально-экономической
географии и природопользования*

УДК 911

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В УПРАВЛЕНИИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕМ

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются методологические вопросы природопользования. Основное внимание уделено сравнению подходов, основанных на диалектическом методе и метафизическом принципе. В свете последнего рассматриваются категории пространства и времени, проблема выбора цели и принятия управленческого решения, понятия «здоровый смысл», «рациональное» и «этническое природопользование». В заключение делается вывод о соотношении основных методологических подходов.

The methodological problems of management of nature are considered. The main attention is given to the comparison of the approaches grounded on a dialectical method and a metaphysical principle. In this respect the categories of space and time, the problem of a target selection and the acceptance of the administrative solution as well as the concept «common sense», «rational» and «ethnic management of nature» are scrutinised.

Советский период в развитии российской географии характеризовался безраздельным господством диалектико-материалистического метода. Вопрос о методе может показаться отвлеченным, но это не так, поскольку метод – важнейшее условие выработки процедуры и выбора оснований принятия решения. Уже сама постановка вопроса о монополии на метод является безнравственной, поскольку сужает кругозор ученого, оставляя ему малый выбор альтернатив, рекомендуемых в качестве позитивных лицам, принимающим решение. Другими словами, диктуя определенную методологию в качестве обязательной, власть сама «загоняет себя в угол», все более отдаляясь от реальности по сугубо идеологическим, а следовательно, отвлеченным соображениям. Это одна сторона вопроса, который автор ставит в данной работе. Другая сторона состоит в выяснении состоятельности диалектики как метода научного исследования. Наконец, существует и третья сторона. Если диалектический метод несостоятелен или недостаточно состоятелен, то существует ли ему достойная альтернатива, способная установить истину? Помимо этой триады, автор

ставит и ряд частных вопросов: о той же истине, абсолюте, понимании пространства и времени и пр., имеющих прямое отношение к процедуре принятия решений в природопользовании, к выбору альтернатив.

Переходя к вопросу о диалектике, мы можем прямо заявить, что это достаточно субъективный метод исследования, не дающий права на установление истины. Утверждения Гераклита из Эфеса о том, что «все течет и все изменяется» и что «дважды нельзя войти в одну реку» констатируют известный факт, ну и что из того? Как течет и почему изменяется, Гераклит ответа не дает. Но его пытаются дать диалектика устами спорящих людей, через рассуждение. Диалектика – искусство спора, утверждает Аристотель [1]. Но помимо диалектики есть еще и другое, чрезвычайно сходное с ней софистическое искусство — эристика. Разница между ними состоит в том, что диалектик в споре ищет основания, в том числе и в природе, эрист же доказывает то, что ему выгодно. Следовательно, первый факт, который мы должны установить, — с чем мы имеем дело, с диалектикой или эристикой. Второй – насколько прочны (фундаментальны) основания, выдвигаемые диалектиком, если мы действительно имеем дело с ним.

Поиск оснований называется объективизацией. Объективно то, что имеет подтверждение в истории или природе. Здесь и приходит на помощь материализм. Материя – это то, что копируется и фотографируется в сознании, пишет В. И. Ленин. Другими словами, материя – это объективная действительность, все сущее вокруг нас. Отражение (рефлексия) действительности, таким образом, и является основанием для установления истины. Возможно, такой вывод был бы справедлив при однородности людской массы. Но люди непохожи, и их восприятие действительности преломлено через возраст, этническую, профессиональную, социальную и иную принадлежность. Доказывая свое, они вольно или невольно защищают если и не личные, то групповые интересы, выдавая их за объективные, и, возможно, веря в истинность своих выводов, сообразно рефлексии, определяемой индивидуальными или групповыми особенностями. Другими словами, даже объективизация не позволяет отделить диалектику от эристики.

Можно ли вообще установить истину, основываясь на фундаментальном знании природы? Вряд ли, и не только потому, что фундаментальные знания периодически пересматриваются. Еще Аристотель в своей «Метафизике» [2] задавал вопрос: если каждая наука ищет доказательств истины в собственных основаниях и эти основания у каждой науки свои, то возможно ли познание истины вообще? И отвечал на него отрицательно. Истина может быть найдена или исходя из максимально широких посылок, то есть из предельно возможного синтеза, или должен существовать некий принцип, лежащий в основе всего, природы и общества, Универсума в целом. Этот принцип и был назван Аристотелем метафизическим.

Что плохого нашли диалектики-материалисты в метафизике, в признании того, что есть нечто, определяющее помимо них развитие природы и общества? Ответ может быть один – разум. На это прямо указывал «поставленный с головы на ноги» Гегель, отделявший познание через разум от рассудочного, через рассуждения. Выражением чистого разума являются всеобщие ценности, – свобода, дух, бог, — ориентиры, продуцирующие идеи. Посмотрим на проблему еще раз. Диалектика, пусть даже самая материалистическая, глубоко идеалистична. Ведь теза, выдвигаемая в споре, ориентирована на идею, также как и антитеза оппонента. Другими словами, диалектика – борьба идей. Но сами идеи, по Гегелю [3], спекулятивны, поскольку частны, конечны. Соответственно, и сам спор – ничто иное, как спекуляция, безотносительно того, какие предикаты (основания для выдвижения идей и аргументы в споре) положены в основу мнений сторон. Действительно, победившая теза сменяется антитезой (первое отрицание) и результатом их борьбы является синтез (второе отрицание), представляющая собой снятое качество, ставшее обычным и тривиаль-

ным. Стоит ли тратить массу энергии, чтобы перейти от одного снятого качества к другому, от одной обыденщины к другой?

Стоит, говорит Гегель. Идея, на поверку оказавшаяся самой, что ни на есть, спекулятивной, включает волю. А воля движет прогресс, и новое снятое качество отличается от прежнего. Хотя мы и имеем дело с прежней ситуацией, но мир вокруг изменился, и изменили его мы сами. Другими словами, описывается цикл, но не замкнутый, а спираль, разрыв между витками которой обусловлен изменениями во внешней среде и самом человеке, в обществе. Тезис о том, что все течет и изменяется можно дополнить словами о том, что при этом предмет стремится сохранить свою качественную определенность, то есть флуктуации не должны разрывать пределы равновесия. Иначе, есть то, что и не меняется – равновесие, взятое как общий принцип.

Рассмотрим этот процесс. Что значит синтеза? Это равновесие тезы и антитезы, то есть обывательская безыдейность, никому и ни во что неверие. Но просто жить, без всяких идей, тоже идея. Причем идея возможно более разумная, чем «жечь» себя, служа спекулятивной идее. Ведь если известен процесс смены тезы антитезой, сопровождающийся громадной растратой энергии, то может быть лучше жить спокойно, достойно проходя свой жизненный путь? Не в этом ли предназначение человека? В конечном счете, только в равновесии и может существовать качество. Переход за его границы означает образование нового качества, а лучше ли оно старого, предсказать трудно. Все ли хотят изменений? Скорее всего, лишь некоторые, «зажигаемые» идеей люди или лица, намеревающиеся «положить рыбку» в мутной воде изменений. Нормальные люди, привыкшие зарабатывать собственным трудом, считают деньги и, прежде чем их тратить, требуют ответа, что принесут ожидаемые изменения.

Этот простой житейский взгляд имеет глубокое философское обоснование. Еще Аристотель поставил вопрос о допустимости актуализации (практической реализации) идей. По Платону существуют две субстанции: мир вещей и мир идей. В мире идей бытуют наши представления о полезности вещей и о том, как сделать жизнь лучше. Идея всегда направлена на благо и на вопрос скептиков существует ли идея грязи, неизменно следовал отрицательный ответ. Так вот, Аристотель вводил запрет на актуализацию идей. Идеи должны бороться в своем мире и лишь прошедшие проверку там, могут быть актуализированы. Идеи не менее материальны, чем вещи, не только копируются и фотографируются, но и навязываются одними другим. Их актуализация начинает двигать и изменять соотношение вещей этого мира. А это страшно, поскольку мы не представляем себе ни реальной ценности вещей, ни значимости их соотношений в пространстве и времени.

Об относительности ценности вещи писал Гегель. Вещь многокачественна, а знаем мы лишь о том качестве, в лучшем случае о немногих качествах, которые познаем через обладание, можем оценить. Остальные качества (стороны) скрыты и, используя одно, мы теряем их все.

Пространство же – пустая абстракция, ноль. Вернее, оно превращается в ноль, сколь бы ни было бесконечно, если, следуя И. Канту [4], убрать из него все вещные предметы. Такое пространство невозможно ни измерить, ни использовать. Реальную ценность приобретает заполненное вещами пространство, где они расположены в определенном порядке и соотношении, примером чему может быть тот же ландшафт. При этом пространство релятивно. Последнее означает, что оно может быть измерено в разных единицах (километрах, деньгах, времени на преодоление) и использовано существенно разными способами. Ландшафт – тоже вещь и допускает альтернативное использование.

Заполненное вещами пространство (пусть это будет ландшафт) не создано человеком, он лишь использует его отдельные стороны. Восприятие его различно. Для степняков лес – бесполезная «зеленая пустыня», для ханты – родной дом, для русских — строительный материал, древесина. Использование пространства этнично,

как и природопользование в целом. В природе этнос находит свою «экологическую нишу», которую обустроивает, меняя, но не разрушая. Менять соотношение вещей, не разрушая целостности, – не в этом ли состоит культура природопользования и то, что мы называем рациональным природопользованием? Можно ли сделать вывод о том, что культура природопользования может быть только этнической? По крайней мере поток публикаций на эту тему возрастает, в том числе и в трудах сибирских ученых [5, 6].

Вопросов много, и чтобы ответить на них, нужно рассмотреть категорию времени. Время, как и пространство, и абсолютно, и относительно, и конкретно. Когда мы говорим о времени дня, например о двух часах пополудни, то мы имеем дело со скалярной величиной, никуда не направленной и отмечающей лишь факт существования определенного момента в сутках. Такое время и абсолютно, и релятивно без Эйнштейна, поскольку речь идет о разных отношениях: фиксации момента физического процесса и свободе выбора человека – 24 или 36 часов устанавливать ему в сутках. Но время может быть и векторным. В этом случае оно направлено. Если в два часа Вам нужно сдать работу заказчику, то они являются ориентиром и Вы выстраиваете последовательность событий, которые должны произойти к этому моменту. Векторное время, по Канту, — это последовательность. Третий тип времени – циклическое, промежуточное между скалярным и векторным, привязанное к природным явлениям. Рассвет сигнализирует, что надо вставать, а весна о том, что следует готовиться пахать и сеять. Нумерация года при этом не имеет значения.

Особое значение в плане нашего исследования представляет векторное время. По сути дела, это система отсчета последовательности событий от момента принятия решения до конечной реализации идеи. В макромасштабе в этих целях вводится даже новая линейная шкала летоисчисления, чтобы всем, и Фоме неверующему, было понятно наше сегодняшнее место в процессе. Но последовательность – управленческая категория. Что такое управление, если не определенным образом выстроенная последовательность мероприятий, преследующих достижение цели? Векторное время – атрибут управления, важнейшее условие консолидации группы. Даже Н. С. Хрущев вынужден был указать точный срок наступления коммунизма. Нарушители последовательности, то есть мешающие или отвлекающие от избранного пути, обычно караются. Векторное время – атрибут внешнего управления. Оно задается субъектом, стоящим над объектом управления, и поддерживается насильем, в отличие от циклического времени, являющимся атрибутом культуры взаимодействия с ландшафтом.

Без диктатуры внешнего управления невозможно произвести сколько-нибудь существенные изменения. Но включение воли, навязывание ее другим, как мы знаем, функция идеи. Здесь мы видим явное противоречие. Если идея спекулятивна по определению, то навязать ее можно только насильем. На практике же люди сплошь и рядом служат идее добровольно. Значит, спекулятивная сущность идеи должна быть до времени скрыта, а альтернативы ей поданы как безнравственные. Выбора нет, нужно починяться и следовать идее (догме) бездумно. Те, кто поддерживает идею – свои, все остальные – чужие. Различение «свой — чужой» Л. Н. Гумилев [7] называл главным признаком этносообразования. «Идеологическое обоснование» выработки последовательности выходит на первый план. Идея, чтобы «зажечь» людей, должна соответствовать всеобщим ценностям. Источник же их, по нашему мнению, — абсолют.

Абсолют – это и есть принцип, положенный в основу мира. Это ноль, в котором соединено и существование, и не существование (есть такие антиномии у Канта). Линия существует, и толщина или направление ее не имеют никакого отношения к ее существованию. Безмерно тонкая линия не перестает «быть собой», хотя увидеть ее невозможно. Метафизика имеет дело с физическим ничто, тем не менее, существующим и реально, и идеально. Метафизика – это не рассуждения, а логика. Частным

проявлением ее является математика. Разум основан на жесткой до жестокости логике, он неумолим и именно он выстраивает последовательность, какие бы споры при этом ни велись.

Приближение к абсолюту – вот реальный источник идей, стремлений и развития вообще. Если Вы хотите нарисовать круг, то стремитесь приблизить его к геометрическому месту точек, равноудаленных от центра, и по тому, насколько Вам это удалось, производится оценивание, а через него мотивация. Другими словами, в человеке заложено стремление к совершенству, а предельное совершенство и понимается как абсолют, единица, являющаяся одновременно нулем. Единицей – по идее, нулем по результату. Возьмите буддизм. Нирвана и есть состояние существования и не существования одновременно. Возьмите коммунизм. Это тоже ориентация на ноль – экономический (работать по возможности, получать по потребности) и социальный (отмирание атрибутов государства). Но подаются они как единица. О чем ведут диалектики спор, как не о том, какая альтернатива лучше и быстрее приближает к абсолюту. Диалектические теза и антитеза – лишь отступления от магистрали. Чем больше амплитуда, тем больше потери, но значительнее и скачки. Регулирует эти отношения основанный на разуме здравый смысл.

Что это такое и насколько здравый смысл действенен в принятии решений? Автор считает, что нет метафизического метода, а только принцип. Но на нем основаны методы, в частности, здравый смысл. В отличие от диалектики, где спорят идеологи, здравый смысл присущ всем, а не только носителям идей, иногда весьма отвлеченных. Любая идея должна ориентироваться на здравый смысл, иначе не будет воспринята, и именно он обычно является предметом дискуссии. Резонно задать вопрос: являются предикаты атрибутами объективизации или здравого смысла? Во втором случае нам нужно пересматривать все концепции, доставшиеся в наследство от социализма. Автор считает, что в природе и истории искать основания бесполезно. Они зыбки, поскольку они сами являются лишь следствием совокупности принципов, лежащих в основе всего сущего. Возьмите социал-дарвинизм Ратцеля, геополитические концепции Макиндера или Хаусхофера, антропогеографизм. Перенос отношений природы на отношения людей не просто натянут, что очевидно разумному большинству, но и чреват известными последствиями.

В то же время, отношения предметов в пространстве и времени чрезвычайно важны. Здесь мы имеем место с конкретизацией отношений, восприятием метафизики конкретными человеческими сообществами. Этническая культура конкретна потому, что привязана к определенной экологической нише определенного ландшафта. Вопрос со временем (историей) исследован Л. Н. Гумилевым. Стереотип этноса меняется от фазы к фазе этногенеза, утверждает он, поэтому искать решение отношений сегодня в отношениях давно минувших дней – спекуляция, полуправда. Правда же состоит в том, что этнос в первой фазе (подъем) переходит на новый тип природопользования и, как следствие, формирует новую ментальность. С этим багажом он проходит свой жизненный путь, меняя при этом социофакты – самую подвижную и изменчивую часть культуры. Ранжир трех составляющих культуры (классификация Хаксли) по динамизму выглядит следующим образом: тип природопользования (артефакты) только совершенствуется до абсолюта, ментифакты трансформируются, видоизменяясь внешне, а социофакты заменяются без особого сожаления другими.

Переход от одного типа природопользования к другому наиболее энергетически затратен, требует сверхусилий. Но он знаменует успех, поскольку гораздо более производителен. Сам переход может быть только вынужденным. И это именно та ситуация, когда люди не имеют альтернативы и начинают изменять положение вещей в природном окружении. Создавшая ситуацию идея может быть вполне социальной, например, независимости от татар. Именно она в природопользовании вызвала переход от подсечно-огневой системы к севообороту, а в социальном плане – к кон-

солидации русских земель и формированию великороссов как этноса. Двойной успех создал Россию и ментальность народа. По З. Фрейду [6], не идеалы определяют успехи культуры, а успехи – идеалы.

Культура – система ориентации человека, где он чувствует себя комфортно как в природном, так и социальном окружении. Комфорт же – функция равновесия, состояния, когда внешние и очень мощные силы уравновешены, а их равнодействующая приближена к нулю. Делать правильные вещи – значит поступать согласно требованиям культуры, и успех обеспечен. Здравый смысл в этом и состоит. Но это этнический здравый смысл, взятый в определенном времени и пространстве. Он уникален, это сегодня определенного пространства, текущий момент между прошлым и будущим, по Аристотелю. Человек, принимающий решение, не ошибается в большинстве случаев, когда проецирует будущее, экстраполируя тенденции прошлого. Но глубокие буквальные заимствования из глубокого прошлого или из другого пространства не могут породить ничего, кроме химеры. Успех при ней – видимость, разрушаемая реалиями.

Здесь необходимо обратиться к трансцендентальной концепции И. Канта [4]. Любой предмет – вещь в себе, и познать ее невозможно. Доказательством от противного может служить большевистская уверенность в познании марксизмом законов природы и общества. За что боролись, как говорится, на то и напоролась. Можно узнать, из чего состоит береза, почему она растет в таком-то месте, но не для чего она существует. Имеются в виду не утилитарные ее ценности, а смысл существования. Он скрыт, возможно, и для самой березы, и для ландшафта, и для человека. Заметим, то, что возникло, репродуцируется, борется за существование, за равновесие, позволяющее сохранить качественную определенность. В состоянии равновесия скрыта огромная потенциальная энергия. Биологический вид, перешедший на новый стереотип питания, обязательно образует экспансию. То же и с этносом, нашедшим новый тип природопользования. Скачки в развитии – высвобождение скрытой энергии?

Для социума Кантом предложена концепция обеспечивающего равновесие нравственного императива: «не пожелай другому того, что не пожелал бы себе», «не используй других как средства, а только как цели». Нравственные люди, следующие этим правилам, защищены лучше, чем броней: у них нет врагов ни в обществе, ни в природе. Безнравственные же находятся в состоянии перманентного риска. К их числу мы можем отнести пассионариев и субпассионариев Л. Н. Гумилева. Первые рискуют потому, что у них подавлен инстинкт самосохранения, вторые, — потому что не осознают последствий своих действий. Культура, говорит Фрейд [8], сопряжена с определенной долей насилия, применяемого к агрессивным устремлениям одиночек. Риск – категория неоднозначная. Собой рискует герой. Здоровьем и достоинством других – проходимец. Человек, не стремящийся получить информацию о последствиях своих действий, по Канту, не обладает достоинством.

Когда количество рискующих достигает критической массы, ситуация выходит из равновесия, порядок замещается стихией, которая сама затем устанавливает новый порядок. Социальная стихия – общество дезориентированных людей. Посмотрите, и при Иване Грозном, и при Сталине главенствовала опричнина, отвергавшая прежнюю культуру. Новая насаждалась невиданным насилием. Опричников называли кремешниками («тьма кремешная»). Кто с кем боролся? Рискующие с нормальными людьми. Для первых нравственный закон не писан. Если Иван отмаливал грехи, то марксисты отрицание нравственности сделали основой своей концепции. Энгельс писал: мы «отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона» [9, с. 95]. Ленин высказывался еще более определенно: «Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем» [10, с. 312].

Любой объект существует в определенных пространственно-временных условиях. И если влияние пространственных характеристик на его качественную определенность географами достаточно исследовано, то временные параметры требуют уточнения. Автор считает, что последовательность обеспечивается особым механизмом передачи информации, известным как генетический. Этнос – тоже вещь, создание природы. Л. Н. Гумилев называет две составляющие этнической ментальности, — мировоззрение и мироощущение, — различающиеся сознательной и бессознательной реакцией на внешние реалии. Мировоззрение можно изменить в процессе воспитания и обучения, мироощущение же нет. Оно передается биологическим путем и не только им. В известной степени это дух народа, неосоздаваемая, но вполне материальная категория. Через нее определяется приятность – неприятность окружения, принятие или отторжение новаций. Но движет этнос по последовательности особая составляющая духа – национальная идея, закладываемая в конце подъема, и так же не вполне выразимая до конца. Благодаря духу, этнос и является вещью в себе, уникальным образованием. Это этнический императив, конкретизация морального, отступив от которого этнос (как и его представители) теряет свое лицо, делается беспомощным.

Посмотрите, марксистская идея прямо направлена на нарушение последовательности. Коммунизм (рай на земле) притягателен, и в конечном счете этносы приходят к нему в виде реликтов или в персистентном состоянии. Ханты, ненцы, папуасы живут при коммунизме в своих общинах, где господствует самоуправление, и роль ограничителей выполняет традиция. Но спросите представителя динамического этноса, хочет ли он стать ненцем или папуасом, и почти наверняка получите отрицательный ответ. Обмануть время невозможно: каждый должен сам пройти свой жизненный путь. Искусственно приблизить конец, – значит, уничтожить этнос, а это геноцид, тягчайшее преступление.

Правление коммунистов можно охарактеризовать гумилевским термином «антисистема», под которым понимается «системная целостность людей с негативным мироощущением, выработавшая общее для своих членов мировоззрение» [7, с. 494]. Путем насилия людей заставили следовать иезуитскому принципу выдавать белое за черное. Это и есть советское мировоззрение, позволявшее творить подобные мерзости в отношении природы. Вспомните сталинский план преобразования природы, где все предполагалось делать не согласно, а вопреки ее законам. А хрущевские химизации и мелиорации, развалившие сельское хозяйство? Какая экономика выдержит сооружение платоновского котлована?

Нужно понять, что режим не господствовал, а выживал. Сначала, в 1930-е гг., за счет людей, нещадно эксплуатируемого нормального ядра общества, а в послевоенный период – за счет природы. Леса, недра, почвы, другие ресурсы эксплуатировались самыми варварскими способами. В кратчайшие сроки были «съедены» Волго-Уральский и Западно-Сибирский нефтегазоносные бассейны, катастрофически терялось естественное плодородие почв. А наши грязные и загазованные города, замазученные реки? И природа, и люди были пешками в «большой игре», средствами достижения неведомых им целей. Дальше, больше, быстрее. Куда, для чего, зачем? Зачем в России вносить больше минеральных удобрений на гектар, чем в Нидерландах? Для чего строить дорогостоящие осушительные системы, если потенциал богарного земледелия далеко не исчерпан? Бессмысленность происходящего породила двойную мораль: пишем одно, делаем другое. Коммуникационные каналы перестали адекватно транслировать команды, и система потеряла управляемость.

В более объемном исследовании [11] автором доказывается, что в советский период имел место новый этногенез, и действительно, по целям и периодам многое сходится. Цель известна – создание новой исторической общности «советский народ». Периоды очень сходны с фазами Л. Н. Гумилева. До начала 1930-х был подъем, сталинский период можно ассоциировать с акматической фазой, «безвременье» и

кризис после его смерти – с надломом, «хрущевскую оттепель» с началом инерционной фазы. То есть сейчас мы живем в фазе обскурации. Это господство субпассионариев под девизами «день да мой» и «после нас хоть потоп». По Л. Н. Гумилеву, в фазе обскурации фактически узаконивается коррупция, распространяется преступность, теряет боеспособность армия, наступает депопуляция и замещение коренного населения выходцами с окраин. Результатом является распад этнической системы и образование реликтов, находящихся в состоянии гомеостаза, безвластия, самоуправления. Основой консолидации людей остается лишь то, с чего все начиналось – доведенный до совершенства тип природопользования.

Пример России близок и понятен. Результатом может быть распад при продлении советской последовательности, или вход в инерционную фазу при продлении последовательности русской. На наш взгляд он показывает и торжество здравого смысла. Несмотря на «борьбу измов», все становится на путь истины, в том числе и природопользование. При двойном сокращении производства нефти и зерна, экспорт первой не уменьшился, а импорт второго практически прекратился при полном обеспечении внутренних потребностей. Если наша экономическая теория признает существование аграрной, горной и инновационной ренты, создаваемой природой, а порядок ее перераспределения будет соответствовать общепринятому, то и рост благосостояния не заставит себя ждать.

Метафизический принцип не является предметом дискуссий. Разум или есть, или его нет. И. Кант считал, что он присущ каждому, через тот же нравственный императив, хотя и невыразим до конца, трансцендентален. В разум верят, он недоказуем. Но правдой является и то, что в обыденной жизни люди руководствуются рассуждениями, и предметом дискуссии чаще всего является доказательство разумности выдвигаемой тезы. Чем больше оснований и мнений сторон принимается при этом во внимание, тем более разумным является предложение. В конечном итоге, нормальная дискуссия приводит к компромиссу, решению не оптимальному с точки зрения достижения цели, но устраивающему всех и разумному уже тем, что устраняет конфликт. По сути дела, компромисс и есть способ принятия решений, основанных на здравом смысле.

Обзор состояния экологической науки, осуществленный В. И. Булатовым [12], показал ее резкую дифференциацию в последние годы, появление новых «отраслевых экологий», каждая из которых, борясь за выживание, пытается монополизировать свое право на истину, выдвигая в качестве аргумента специфику своих оснований. Это – позитивизм в действии, то, что противоречит разуму. Но можем же мы договориться, структурировать знание, исходя из общих оснований или метафизического принципа. Структуризация, упорядочивание, преодолевающие хаос, осуществляются через компромисс.

То, что здравый смысл не диалектика, в марксистском понимании, показывает ленинское определение сути этого подхода: раздвоение единого и познание противоречивых частей его. Да не действуют на ландшафт или территориальный социум две силы – их множество. Сохранить равновесие, а следовательно качественную определенность предмета, и достичь при этом прогресса, можно лишь принимая во внимание их все. Раздвоение единого – сугубо социальный подход, делящий людей на «проводников нового» и оппозиционеров, которых нужно или уничтожить (нет человека, нет проблемы), или подавить. Очень уж он напоминает другой принцип: «разделяй и властвуй».

Автор очень сомневается в существовании диалектики природы. Выдавать закон симметрии за диалектику, на наш взгляд, — эристикка. Не может природа спорить, и действуют там неумолимые законы логики. Люди пытаются смягчить их путем рассуждений, предлагают свое видение решений проблем. Принятие решения – ответственный акт, особенно в природопользовании, где уже сложились устойчивые этнические типы хозяйства. Любое решение, за исключением решения ничего не предпринимать, вызывает флуктуации в системе, состояние неравновесия. Прогресс и возможен только через цепь таких состояний, превращающих круг в спираль. Поэто-

му, желая прогресса, мы должны ставить одновременно вопрос о допустимых границах флуктуаций и пресекать попытки как «опередить время», так и «изменить пространство». Основанием для такой постановки вопроса служит разум, определяемый через метафизический принцип.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. О софистических опровержениях // Соч. Т. 2. М.: Мысль. 1978.
2. Аристотель. Метафизика // Соч. Т. 1. М.: Мысль. 1976.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль. 1974.
4. Кант И. Критика чистого разума. Симферополь: Реноме. 1998.
5. Ишмуратов Б. М. Экономико-географические и геополитические факторы развития межэтнических отношений на современном этапе // География и природные ресурсы. 1997, № 2.
6. Рагулина М. В. Географическое понимание этничности // География и природные ресурсы. 2000, № 1.
7. Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экопрос, 1993.
8. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990.
9. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. изд. 2-е. Т. 20.
10. Ленин В. И. Полн. Собр. соч. Т. 41.
11. Осипов В. А. Социально-экономические проблемы управления природопользованием. Тюмень, изд-во Тюменского ун-та, 1999.
12. Булатов В. И. Российская экология на рубеже XXI века. Новосибирск, ЦЭРИС, 2000.

*Владимир Матвеевич КАЛИНИН —
заведующий кафедрой экологического
мониторинга и землеведения эколого-
географического факультета, доктор
географических наук, профессор.*

УДК 556. 535. 8

ПОСТУПЛЕНИЕ НЕФТЕПРОДУКТОВ В РЕЧНУЮ СЕТЬ ОТ РАССРЕДОТОЧЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ)

АННОТАЦИЯ. Получены экспериментальные данные смыва нефтепродуктов с загрязненных территорий малых водосборов. Предложены формулы расчета концентрации нефтепродуктов в речной воде в зависимости от площади загрязнения.

Experimental data of the petroleum washings off the polluted territories of small watercollectors are received. The author suggests calculation formula of petroleum concentration in rivers depending on a polluted area.

ВВЕДЕНИЕ

В процессе добычи и транспортировки углеводородного сырья в Тюменском регионе в результате аварий оказались нефтезагрязненными большие площади земель. Особенно серьезные масштабы этот процесс принял в Среднем Приобье на территории Ханты-Мансийского автономного округа. По результатам обследования 13 месторождений Нижневартовского района (Аганского, Южно-Аганского, Ватинского